

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумvirат»

Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стекланные куклы
Пепел сердца
Ночь сурка

Сериал «Дикие лебеди»

Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощенья врага
Знак с той стороны
Браслет с Буддой

Сериал «Королевская охота»

Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»

Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень
Яд персидской сирени
Девушка с синей луны
Без прощального письма

*Инна
Баринская*

Яд персидской
сирени

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Яд персидской сирени : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-04-097720-8

Мама Татки сбежала, когда девочке было пять лет, и ее отец решил вернуться к первой жене и старшей дочери Вере — должен же кто-то присматривать за маленьким ребенком! Отец баловал любимую младшую дочку, но жизнь ее сложилась несчастливо — семь лет Татка провела в психиатрической клинике после убийства своего бойфренда. Родителей уже не было в живых, и ей пришлось вернуться в дом Веры, которая с детства терпеть не могла сестру. Так совпало, что в это же время выписался из больницы Верин муж Павел, который потерял память в результате загадочного несчастного случая, и их с Таткой необъяснимо потянуло друг к другу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097720-8

© Бачинская И.Ю., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Тихо пело время... В мире ночь была
Бледной лунной сказкой ласкова, светла...
В небе было много ярких мотыльков,
Быстрых, золотистых, майских огоньков...
Искрами струился месяц в водоем,
И в безмолвном парке были мы вдвоем...
Ты и я, и полночь, звездный свет и тьма
Были как созвучья вечного псалма...
...Был, как сон могильный, скорбен сон долин,
И в заглушем парке плелся я один...

*Юргис Балтрушайтис.
Бедная сказка*

*Действующие лица и события романа вымышленны,
и сходство их с реальными лицами и событиями абсо-
лютно случайно.*

Автор

Пролог

... *М*ир был зелен, сколько хватало глаз. Сочные заросли травы били ключом, под деревьями дымился густой синий сумрак, косо пронизанный солнечными лучами. Послеполуденный безмятежный зной, дрожащее марево над Детинцем, выгоревшее добела небо сверху – и все! Ни человека, ни городских улиц, ни машин. Пусто и тихо.

– Так не бывает! – выдохнула Ника, бледное дитя каменных трущоб. – Я сейчас проснусь!

– Просыпайся. Хочешь увидеть хижину?

– Хочу! Нет! Я хочу жить на дереве.

– Я построю тебе гнездо.

– Хочу на этом дереве! Это же... шелковица! Здоровенная, как баобаб... Таких не бывает. Скажи, Тим, что не бывает, и толкни меня или ущипни. Я опять сплю.

– Ты не спишь. Это шелковица, вон ягоды осыпались. Будем разводить червяков.

– Брр, каких червяков... шелкопрядов!

– Научишься ткать и подаришь мне рубашку.

– Ага, и вышью – я тебя люблю! А потом мы уйдем в горы.

– Здесь всего-навсего одна гора, и называется она Детинец. А еще холмы и курганы.

– Детинец? Прекрасное название, такое... горное. Кстати, что это такое?

...Они целовались под шелковицей-баобабом, роняющей ягоды. Ягоды глухо шлепались на землю – стакато ударных в стройном хоре птиц, шелеста ветерка, травы и листьев. Они были молодожены и все время целовались...

Глава 1

Пациент в коме

...Смерть — это общее право,
Никто не живет два века...
Жизнь — другое дело.
Красное вино
Льют в пустое тело,
Но каждому оно
Разное дано.

Э. Дикинсон. [Стих] 583

— Доктор, как он? — Женщина тревожно всматривалась в лицо человека в белом халате.

Доктор пожевал губами... Это был самый лучший в городе доктор, и его клиника тоже была самой лучшей. У него было мужественное лицо, вызывающее доверие. Хорошая фигура, прекрасно сшитый дорогой костюм... Один древний автор сказал, что врач должен быть прекрасно одет и распространять запах благовоний. Этот врач был именно таким. Ему хотелось верить безоговорочно, и пахло от него дорогим парфюмом.

— Мы делаем все, что может предложить современная медицина, — сказал он веско, беря женщину за руку и заглядывая ей в глаза. — Все! У вашего мужа есть шанс, поверьте. Будем мужественны и будем надеяться. Он молод, у него крепкое сердце, мы вернули его к жизни, мы наблюдаем его, есть серьезные улучшения. Ждать, ждать и ждать. Все в руках... — Он поднял глаза к потолку. — Говорите с ним, он чувствует интонацию и узнает ваш голос. Любая мелочь — звук, запах, прикосновение — может подтолкнуть...

— Когда же он проснется? — перебила женщина. — Почти девять месяцев... Она всхлипнула.

— Ну-ну, не будем терять надежды, Вера Владимировна. — Доктор положил руку ей на плечо. — Не нужно плакать. Ждать и надеяться, ждать и надеяться. В один прекрасный момент он откроет глаза, увидит вас и скажет...

— Доктор, что это? — Она ткнула рукой в аппарат с бегающими зелеными огоньками. — Что это значит?

— Фиксация функционального состояния головного мозга. Видите ли...

— Мозг работает?

— Несомненно.

— Но он же без сознания!

— Какие-то процессы в нем все равно происходят. Мозг активен. Возможно, сейчас он видит сон...

— А когда он очнется... — она запнулась. — Он будет сообщать? А память?

Доктор снова пожевал губами — до чего же гадкая привычка! Сказал после паузы:

— У вашего мужа серьезная черепно-мозговая травма, повреждена левая лобная доля, смещены лицевые кости, переломы носа и нижней челюсти... не считая всего остального. Мы сложили его заново, и я считаю...

— Я знаю! — перебила она нетерпеливо. — Какой он будет, когда проснется? Как раньше? Или... что с ним может случиться?

— Возможна некоторая потеря памяти, но необязательно, — сказал доктор осторожно. — Возможны некоторые странности и неадекватное поведение, утрата поведенческих программ и навыков. Ходить, я думаю, ваш муж сможет. Не сразу, конечно. Кто он по профессии?

— У нас компания по сбыту электроники.

— Трудно сказать, восстановится ли он настолько, чтобы руководить компанией в дальнейшем. Поймите: то, что он остался жив, само по себе чудо.

— Ну а меня он будет узнавать? — настаивала она. В ее голосе послышалось раздражение. Она ставила четкие вопросы и хотела получить такие же четкие ответы.

Доктор развел руками:

— Поймите, трудно прогнозировать. Он сейчас между мирами, грубо говоря. Куда качнется маятник... Подождем.

— Сколько еще ждать? — Женщина почти кричала. — Я... я больше не могу!

— Говорите с ним. Возьмите за руку и говорите. Он помнит ваш голос, возможно, это как-то отзовется. Извините, меня ждут.

Он поклонился и ушел. А они остались: мужчина в коме и женщина, его жена. Она пристально рассматривала лежащего на койке: бледный в синеву, заросший черной бородой, с длинными волосами, разбросанными по подушке, — в них пробивались седые прядки, — с заостренным торчащим носом, с выступающими скулами. Ей показалось, веки его дрогнули. Она нагнулась над ним и сказала:

— Ты спишь? Ты меня слышишь? Хоть что-нибудь? О чем с тобой говорить? А может, ты все-таки слышишь? — Она по-

ложила руку ему на лоб. — Чувствуешь? Ты меня узнаешь? Павел! Паша! Ты помнишь, как тебя зовут? Паша! — настойчиво звала она. — Паша!

Она снова и снова звала его по имени — настойчиво повторяла снова и снова, — осторожно прикоснулась к щеке, осторожно брала за руку; клала ладонь ему на грудь и «слушала» пальцами биение сердца. Казалось, она совершает некий странный и пугающий ритуал по возвращению неподвижного безжизненного тела из потустороннего мира, где он находился, в мир живых. У нее было лицо уставшего и сломленного человека...

Наконец она замолчала. Сидела на стуле, не сводя с него взгляда. Думала. Вздогнула от писка мобильного телефона. отошла к окну.

— Ну? Еще в больнице. Ничего! Они ничего не знают, говорят, надо ждать. За такие бабки... Ты где? Захватишь меня? Жду.

Она опустила телефон в карман жакета. Посмотрела через окно на скучный больничный сад, на мокрые аллеи, на тусклую молодую траву, безнадежно тусклую, как и все здесь, на плац с десятком запаркованных разноцветных автомобилей. Вдруг из-под туч вырвался солнечный предзакатный луч, осветив все оранжевым тяжелым светом; женщина зажмурилась и отступила, ощутив внезапный укол страха...

...Машину человека, звонившего ей, она заметила сразу. Подошла, открыла дверцу. Уселась. Повернулась к нему и воскликнула в отчаянии:

— Я больше не могу! Сколько это еще может продолжаться? Я устала! Я на пределе! А этот лекарь... он же ничего не знает, ему проповедником быть. «Ждать и надеяться, ждать и надеяться», — повторила она издевательски с интонациями доктора. — Спрашиваю: когда он очнется? Пожимает плечами. Что с памятью? Сможет ли ходить? Будет ли соображать? Или пре-

вратится в растение? Снова пожимает плечами. Говорит, скажите спасибо, что вообще выжил. С такими травмами...

— Успокойся, Верочка, все образуется. Время, время и еще раз время. — Мужчина берет ее руку, целует. — Главное, компания на плаву и мы делаем все, чтобы удержаться. Поверь: все будет хорошо. Доктор сказал, он может потерять память?

Женщина кивает. Некоторое время оба молчат.

— А тут еще эта появилась... Татка, — с досадой говорит женщина. — Все одно к одному. Господи, ну что мне теперь делать?

...Они сидели за своим любимым столиком в небольшом китайском ресторанчике, в секции, отделенной от зала высоким узким аквариумом. В аквариуме плавали крупные серые рыбы с выпученными голубыми глазами и шевелились розовые водоросли. Вера, жена мужчины в коме, и Володя, его друг. Соლოменная вдова и верный друг дома...

— Верочка, но хоть что-то? Какой-то сдвиг?

— Все так же. Доктор сказал, если даже придет в себя, не факт, что восстановится. Возможна потеря памяти, нарушение поведенческих программ...

Они обменялись долгим взглядом. Володя спросил:

— Что это такое?

— Ничего не будет понимать, вот что. Кроме того, не сможет разговаривать, потеряет речь. Может стать идиотом.

— Он сказал «возможно»...

— А что еще он может сказать? Что можно сказать наверняка? Сказал, надо ждать. Сидеть и ждать. Возможно, потеряет речь, возможно, станет идиотом... если проснется.

— А он не умрет? Люди в коме годами...

Вера промолчала.

— Ладно, не будем о грустном, — сказал Володя. — Как-нибудь будет. Выкарабкаемся. К нему можно? Я бы хотел навестить. Пустьят?

— Наверное, пусть. Ему все равно. Доктор сказал, нужно с ним разговаривать. — Она хмыкнула. — Он считает, на уровне подсознания он слышит и узнает голоса. У них там прибор активность мозга измеряет, так видно, что в мозгу что-то происходит, зеленые волны так и бегут. Я спросила: что это значит, он что, понимает? Доктор говорит, что мозг активен, а насколько активен, пока неизвестно. Несколько раз повторил: «Будем надеяться...»

— Как он выглядит?

— Как? — Вера хмыкнула и пожала плечами. — Нормально выглядит. Кроме того, борода...

— Узнать можно?

Снова они смотрят друг на дружку; Вера снова пожимает плечами...

Официант, узкоглазый азиат, зажигает в центре стола спиртовку. Красный огонек трепещет в легком сквознячке. Азиат ставит на спиртовку блюдо с овощами и рыбой, расставляет большие тарелки с иероглифами и мисочки с коричневым рисом, наливает в высокие бокалы пиво из маленьких бутылочек. Желает приятного аппетита и уходит.

— Может, вина? — спрашивает мужчина.

— Господи, ну какое у них тут вино! — раздраженно говорит женщина. — Достаточно пива.

— Успокойся, мы выгребем. Побереги силы. Ничего страшного не случилось. Даже при самом плохом раскладе...

— Помолчи, а? — Она пригубливает пиво. — И так хреново. Я вся на нервах, я перестала спать... Отвратительное пиво. Никогда не любила пива.

Он кладет ладонь на ее руку. Говорит примирительно:

— По-моему, ничего. Никогда не думал, что китайское пиво можно пить. Не намного хуже баварского. Может, тебе все-таки вина?

Женщина не отвечает. Сосредоточенно ест, глядя в тарелку.

— Ты сказала, появилась Татка... — Полувопрос повисает в воздухе.

— Появилась! — бросает женщина. — Лечебница обанкротилась, пациентов забирают. Сначала обещали поддержать, пока родные не найдут новую, а теперь требуют немедленно. Этого нам еще не хватало!

— Она что, совсем плохая?

— Господи, да откуда я знаю! Я не видела ее ни разу с тех пор, как ее забрали. Была плохая. Не думаю, что стала лучше, их там пичкают всякой дрянью... может, стала как овощ. Семь лет, сам понимаешь.

— Это ненадолго, найдешь что-нибудь... Может, снять ей квартиру?

— Какая квартира? О чем ты? Эту дрянь нельзя оставлять без присмотра, она на все способна.

— Вы сестры?

— Понятия не имею. Отец считал, что она его дочь, значит, сводные сестры. Ее мамаша была гулящая, так что черт ее знает. Мне наплевать, понял? Она приبلуда и навсегда останется приблудой. Точка. — Вера сжимает кулаки.

— Понял, понял. Можно определить отцовство и...

— Какая, на хрен, разница, если она совладелец компании? — кричит Вера. — Отец все поделил поровну. Дочь, не дочь... Он ушел к любовнице, когда мне было четыре, через пару месяцев у них родилась Татка. Бросил маму и меня. Мама в ногах валялась, умоляла, а он как взбесился! Любовь у него, видите ли. И ведь не мальчик! Никогда ему не прощу! А через четыре года вернулся в семью — мадам его бросила. Сбежала. Говорили, с молодым любовником, тоже циркачом. Она была не то гимнасткой, не то наездницей, а папаша обожал лошадей, у нас была